

ТРИЛОГИЯ «ВЛАДЫЧЕСТВО»
КНИГА ПЕРВАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ДЕВУШКА

ДЖО ХАРТ

Разрушенный мир

Джо Харт

Последняя девушка

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84(7Сое)-44

Харт Д.

Последняя девушка / Д. Харт — «Издательство АСТ»,
2016 — (Разрушенный мир)

ISBN 978-5-17-106346-7

Недалекое будущее. В результате таинственного неизлечимого вируса в мире почти полностью перестали рождаться девочки. 25 лет спустя на Земле осталось менее 1000 девушек... Двухнадцатилетняя Зоуи и ее подруги живут в исследовательском центре, больше напоминающем комфортабельную тюрьму. Их лишили родителей. Лишили детства и юности. Над ними проводят эксперименты. А на 21-й день рождения их ждет перевод... куда? Этого не знает никто, ведь оттуда не вернулась ни одна из девушек. Однако Зоуи не готова покорно смириться с судьбой. Она решается на отчаянный побег – побег с риском для жизни и абсолютно неизвестным исходом. Ведь даже если ей удастся совершить практически невозможное и обрести свободу, она даже смутно не представляет, какой мир встретит ее за стенами центра...

УДК 821.111(73)-313.2

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-106346-7

© Харт Д., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Ранее...	6
Спустя время...	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Джо Харт

Последняя девушка

Посвящается моей жене, матери, дочери и моей сестре, самой сильной женщине из всех, кого я знаю.

Дикарь в человеке никогда не бывает искорененным полностью.
Генри Дэвид Торо

Joe Hart
THE LAST GIRL

© Joe Hart, 2016

© Перевод. А. Мартынова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Настоящее произведение является художественным. Имена, персонажи, организации, места, события и обстоятельства вымышлены либо использованы в воображаемых ситуациях.

Ранее...

«На сегодняшний день мы не располагаем определенными данными или цифрами, чтобы высказываться о происходящем. Мы неустанно работаем как со Всемирной организацией здравоохранения, так и с Генеральной прокуратурой. Можете быть уверены, что вскоре мы опубликуем официальное заявление, а к этому моменту сделаем все возможное, чтобы определить причину происходящего».

*Кэмерон Уэст, министр здравоохранения и социальных служб США
Январь, 2017 год*

«Я думаю, большинство людей просто не понимают, что это уже не событие местного значения. Это произошло в одночасье и повсеместно. Насколько мне известно, никто – ни ученые, ни чиновники, ни один из новостных каналов – не предоставили какого-либо удовлетворительного объяснения случившемуся».

*Рамона Чандлер, независимый журналист для издания «The Underground»
Май, 2017 год*

«Национальная ассоциация деторождения, сформированная в начале прошлого года, добилась значительного прогресса в определении причины так называемого «кризиса женского рода». Чистосердечно могу заявить, что мы находимся на пороге понимания причины случившегося и просим американцев, а также граждан всего мира сохранять спокойствие и выдержку перед лицом этой беспрецедентной проблемы. Ответ где-то рядом».

*Бенсон Эндрюс, 45-й президент Соединенных Штатов Америки
Февраль, 2018 год*

«Ньюс Тайм»: Что, по вашему мнению, вызвало восстание в Гаррисберге?

Фостер Уайт (протягивая руку за сигаретой): Рамки.

«НТ»: Рамки?

ФУ: Да, рамки. У каждого ведь они свои, знаете? Когда участие в исследовании Национальной ассоциации деторождения¹ из добровольного вдруг сделалось обязательным, все и случилось. Именно это и подтолкнуло людей выйти за рамки. Ради бога, ведь это Америка, свободная страна. И вдруг нам заявляют, что каждая женщина, родившая девочку за последние пять лет, должна отчитаться в одном из этих приемных пунктов НАД. Еще чего! Да никогда бы люди не стали мириться с этим. Поймите, я не раз слышал про все эти вооруженные ночные налеты, про то, как целые семьи были похищены прямо из собственных постелей! В Нью-Йорке живет женщина, которая рассказывала о том, как ее восьмимесячную дочь забрали прямо из колыбели, а наутро ей позвонили из правительства и велели не предпринимать никаких действий. А потом еще и эта история с фанатиками из Техаса, в которой был замешан сенатор Джесперсон! Они верили в Божественное вмешательство и уничтожали своих новорожденных сыновей, считая, что убийство мальчиков поможет девочкам снова появляться на свет.

Как же это не похоже на Америку, во всяком случае на ту, которую я знаю!

«НТ»: Прошло шесть месяцев со времени последнего отчета о рождаемости девочек, в котором было указано, что на сто тысяч мальчиков появляется всего одна девочка. Могли бы вы подтвердить это?

ФУ (смеется): Шутите? Одна на сто тысяч? Одна на десять миллионов, согласно последней статистике, которую я видел перед отставкой. И по всем показаниям будет

---

¹ Далее – аббревиатура НАД. –Здесь и далее: примеч. пер.

только хуже. Не удивлюсь, если новые данные покажут одну на сто миллионов. А когда люди все-таки осознают, что происходит, начнется война.

«НТ»: Считаете, что таких восстаний, как в Пенсильвании, будет больше?

ФУ: Кровопролитие. Называйте вещи своими именами. Кровопролитие американских граждан от рук собственного правительства. И да, это только начало.

*– Из интервью «Ньюс Тайм» с Фостером Уайтом, экс-заместителем министра Генеральной прокуратуры, за десять дней до его исчезновения
Июнь, 2018 г.*

«Революция – такая же волна, как и та чертовщина, что поглотила весь женский род. Ты не можешь ее остановить».

*Неизвестный солдат повстанцев
Ноябрь, 2018 год*

*«Без женщин
Без детей
Без надежды»*

*Граффити на Монументе Вашингтона
Декабрь, 2018 год*

Спустия время...

Глава 1

Вспышка света, пробившаяся из-под закрытых век Зоуи, вывела ее из сладкой дремы.

Если бы она только могла, то осталась бы там, между сновидениями и реальностью, но вернуться уже не получится. Зоуи встала, вытянув руки над головой и чувствуя, как холод бетонного пола начинает вбираться в себя тепло ее сна. На дне желудка шевельнулся отголосок тупой боли. Зоуи достала тапочки из-под кровати и подошла к окну.

Ночью снова был дождь. Несколько капель, сбившихся в ручейки по всему навесу над непробиваемым стеклом, исполосовали его прозрачными шрамами. Бетонные дорожки за окном вокруг здания были еще темно-серыми и мокрыми, но уже подсохли в некоторых местах. Позади них тянулась вверх изогнутая стена, которую почти не было видно из окна ее третьего этажа. На верхушке стены в своем гнезде разминаясь снайпер, подыскивая более удобное положение. Когда он поворачивался, его винтовка отбрасывала яркие блики. Один из них и разбудил ее. Иногда Зоуи спрашивала себя, заглядывают ли они в окна женских спален, пытаются подглядеть, как там переодеваются? Вполне вероятно. Это запрещено, но мысль о том, что такое возможно, застревала в голове, как дурной сон.

Зоуи проглотила слюну и положила ладони на стекло, такое же холодное, как и бетонный пол. От ее дыхания стекло запотело, и она нарисовала круг на его туманной поверхности. Кончиком пальца Зоуи отметила семь точек внутри круга, по одной на каждую из оставшихся девушек. Одну из точек она зачеркнула. Завтра их будет только шесть.

Зоуи отвернулась от окна и осмотрела комнату. Ее мягкая постель выбивалась из общего пейзажа. Больше плавных линий в этой комнате не было. Одни прямоугольники и острые края. Угловатый маленький столик, прикрученный к стене. Тяжелая стальная дверь, ведущая в крошечную ванную комнату, – конечно же, без замка. Окна в форме буквы «Т», сквозь которые пробивался тусклый свет, едва освещающий мрачное помещение. Все здесь было остроконечным и аскетичным.

Душ, однако, был горячим. Только вода здесь и грела, за исключением тепла рук Ли. Зоуи вспомнила, как он касался ее спины, всегда незаметно – в одном из укромных углов, куда не доставала камера. Его лицо и веснушки, осыпавшие, словно звезды ночное небо, весь нос, щеки, возникли у нее перед глазами. Одно лишь воспоминание об улыбке Ли согревало душу и навевало фантазии о его прикосновениях, таких ласковых и возбуждающих. Но мысль о том, что должно было произойти сегодня, вернулась, и пламя внутри Зоуи погасло.

Она натянула резиновый браслет на руке, чтобы намылить и вымыть под ним кожу, которая начинала неприятно пахнуть со временем. Для этого достаточно было лишь просунуть палец. Раньше Зоуи оттягивала его еще дальше, поэтому-то и знала о проводах, которые были спрятаны в резиновом корпусе браслета. Они помогали разблокировать дверь и войти в комнату. Однако выйти из нее Зоуи не могла – внутри сканера не было.

Выйдя из миниатюрной душевой кабинки, Зоуи вытерлась одним из тех полотенец, которые приходилось складывать бесчисленное количество раз. Почистила зубы, и кисловатый привкус во рту сменился горьким, который здесь выдавали за мятный. Хотя Зоуи отлично знала, что это была вовсе не мята. Ведь мятная жвачка, которая здесь, кстати, была запрещена, на вкус оказалась совсем другой.

Она протерла запотевшее маленькое зеркало над раковиной и вздохнула. Опять эти волосы. Что же с ними делать? Ее длинные темные кудри, не поддающиеся ни одной расческе, жили словно своей жизнью. Она попыталась зачесать их на одну сторону и закрепить тонкой

заколкой, но волосы мгновенно выскочили и упали ей на лицо. Зоуи нахмурилась и, решив сменить тактику, затянула их в конский хвост на затылке, закрепляя резинкой. Взглянув на себя в зеркало в последний раз, Зоуи вышла из ванной.

Она надела штаны из грубого хлопка цвета предраассветной дымки и натянула бесформенную рубашку, свисающую к ее узким бедрам. Но на этот раз Зоуи уже не стала подходить к зеркалу в ванной, не было смысла. Ведь здесь существовало лишь два постоянных костюма, один из которых уже был на ней, а другой – Зоуи знала наверняка – ей придется надеть чуть позже.

По телу ее пробежала дрожь, желудок сжался в комок, отчего тошнить начало даже больше, чем после сна. Она попыталась не смотреть на электронный календарь над столиком, но ее взгляд все равно упал на него. Ведь это был самый заметный предмет ее комнаты, со светящимся циферблатом, который слепил глаза – даже после того, как яркость убавили.

Следить за датами здесь было так же важно, как и соблюдать правила. Это первое, чему тут учили: месяцы и даты, цифры, из которых их складывают, – то, что должен помнить здесь каждый. И хоть со времени ее первого занятия прошло уже много лет, в ушах Зоуи все еще звенел голос мисс Гвен. Она помнила, как стояла тогда перед ней, четырехлетняя и напуганная, помнила платье мисс Гвен в форме колокольчика и ее плоские ступни, обутые в черные туфли. Казалось, что за последние шестнадцать лет эта женщина совсем не изменилась. Словно календарь с бессменными настройками, она постоянно напоминала, упрекала и твердила об их особенности и о том, что они – надежда человечества. Что они не принадлежат себе самим, а их главная цель – это всеобщее благо.

Какова цена жизни?

Это была первая мысль, с которой Зоуи просыпалась, и последняя, с которой она засыпала каждую ночь. Можно ли определить цену жизни? А если да, способен ли кто-нибудь заплатить за нее?

Она протянула руку к календарю в порыве сорвать его со стены, но вовремя осознала, что это ничего не изменит. Они лишь установят еще один, а за подобный поступок ей придется потерять много времени в карцере. Она никогда этого не пробовала, да ей не нужно было. Есть вещи, которые не обязательно испытывать на себе, чтобы понимать, к чему они приведут.

Кто-то тихонько поскребся в окно, и сердце Зоуи замерло. Она обернулась, схватила стул, стоящий у столика, и, перепрыгнув комнату за секунду, поставила его у окна. Внимательно проследив за ближайшим снайпером, Зоуи убедилась, что под этим углом он не сможет ее увидеть. Она просунула пальцы в отверстие с правой стороны самой маленькой панели у верхушки Т-образного окна. Оно было лишь 20 сантиметров в высоту и 60 в длину, спаянное каким-то веществом, затвердевшим еще со времен строительства Объединения углубленных исследований². Однако с годами, как и практически все здесь, оно осыпалось по краям, в результате чего образовалась трещина. Поначалу в нее помещался лишь ноготь, но спустя несколько тревожных недель работы пробоина стала значительно шире.

Зоуи прислушалась: не доносятся ли шаги по коридору за дверь? Но услышала лишь собственное учащенное сердцебиение. Пока еще рано. Саймон будет ждать ее за дверь лишь через полчаса, так что времени достаточно.

Она продавила правую сторону панели. Раздался тихий скрежет, какой бывает при повороте цельного куска стекла. Наконец один из уголков открылся, и Зоуи схватила стекло, чтобы вынуть его из рамы. В комнату ворвался прохладный весенний ветер, омывая лицо влажным воздухом прошлой ночи. Она задрожала, немного от холода, но в основном от счастья. *Неужели он наконец вернулся?* Зоуи бросила стекло на постель, куда оно беззвучно упало, и наклонилась, чтобы заглянуть в маленькую нишу, установленную с лицевой стороны здания.

---

² Далее – аббревиатура ОУИ.

Проем этот был совсем небольшим, едва достигал 25 сантиметров в ширину и 15 в глубину, и устроен был таким образом, что оставался сухим от дождя и невидимым для постороннего глаза до тех пор, пока не вытащишь стекло. А так как женские спальни были единственными помещениями кампуса, в которых не имелось камер, никто не знал, что стекло можно вытащить.

Зоуи потянулась вперед, подвигая стул и наклоняясь, чтобы увидеть нишу полностью...
...но обнаружила там лишь одинокий сухой лист, который-то и скребся по бетонной поверхности.

Зоуи была не в силах справиться с разочарованием. Ведь никакого пушистого коричневого сыча, дождавшегося ее здесь и пропавшего несколько месяцев назад, в нише не было.

* * *

Примерно год назад, когда Зоуи впервые обнаружила забившегося в нишу сыча с поврежденным крылом, она была уверена, что птица умрет либо от голода, либо от рук охранника, поскольку одно из здешних правил гласило: «Никаких домашних животных на территории ОУИ». Она вспоминала высокий гнусавый голос мисс Гвен, сообщающий о том, что вирус можно подхватить не только от людей, но даже от животных. «И если мы найдем хоть одну зверюшку, – сказала она тогда, – будем вынуждены немедленно доложить об этом наставнику или охране».

Спустя всего два месяца после того, как Зоуи нашла сыча, он снова начал летать. И все эти два месяца она украдкой приносила ему хлебные крошки, которые собирала в отвороты рубашки, или мясо, которое прятала за щеками до тех пор, пока не возвращалась в свою комнату. И каждый день она переживала о том, что кто-нибудь может заподозрить неладное и заставить ее открыть рот. Постепенно птица поправлялась и начинала все больше доверять Зоуи, ее нежным прикосновениям и тихому голосу, которым та прощалась с сычом перед тем, как отправиться спать.

А однажды, во время ежедневной разминки, сыч вылетел из укрытия и промчался у самых голов разминающихся девушек. От неожиданности все пригнулись, а позже признались, что «птица была словно молния», чем насмешили Саймона.

Так сычик и получил свое прозвище, ведь чему-то настолько же необыкновенному, каким был секрет Зоуи, не полагается оставаться безымянным.

Но несколько месяцев назад Молния улетел в сгущающиеся сумерки и больше не возвращался. Тоска, охватившая Зоуи, не отпускала ее до сих пор, и порой она смотрела в окно в надежде увидеть желтые светящиеся глаза своего друга. Но за окном никого не было, и надежда Зоуи постепенно таяла. Да и зачем ему было оставаться, когда он мог улететь?

Она протянула руку и вытащила из ниши забившийся туда лист, чтобы убедиться, что под ним в этом маленьком пространстве больше нет ничего нового.

Там же лежали и книги. Одна из множества загадок ОУИ была связана именно с ними. Год назад Зоуи обнаружила у себя книгу. Она была спрятана в самом низу кровати, и Зоуи случайно коснулась ее, когда взбиралась на постель. Это оказался «Граф Монте-Кристо». От одного только названия по коже бежали мурашки, и Зоуи повторяла его снова и снова. Первая книга в ее жизни, изданная не Национальной ассоциацией деторождения.

Три недели спустя под ее покрывалом появилась еще одна книга, «Алая буква». К тому времени Зоуи уже дважды прочитала «Монте-Кристо» от корки до корки. Когда она переворачивала страницы, сердце ее пускалось в пляс, а глаза, следившие за муками и побегом Эдмона, раскрывались все шире и шире.

Книга Готорна оказалась совершенно другой, и все-таки Зоуи понимала, что Эстер тоже была заложницей. Но на сей раз – заложницей любви, чести и веры.

Сейчас она даже и не вспомнила бы, сколько раз собиралась выбросить эти книги. Если бы кто-то нашел их, ее бы наверняка отправили в карцер. Зоуи представляла, как ее запирают в непроглядной темноте, хотя объяснить себе, что же плохого в воображении, она не могла. И дисциплина лишь разжигала ее внутреннее пламя, а не гасила его.

И еще Зоуи не давал покоя ключевой вопрос: кто же принес ей книги?

Как бы между прочим она расспрашивала об этом Ли, но никогда не признавалась в том, что у нее были книги. Вместо этого она внимательно изучала его, пытаясь заглянуть под маску извечного оптимизма, как это случалось, когда она ловила его смущенные косые взгляды. Ей так хотелось рассказать обо всем этом Ли, но груз ответственности, которым она бы обременила его, наверняка заметил бы Саймон. Кажется, так всегда происходит между отцами и сыновьями. Однако кто бы ни подбрасывал ей книги, он разделил с ней нечто важное. Нечто, побуждавшее Зоуи к тому, что могло повлечь мгновенное и ужасное наказание – если бы об этом кто-нибудь узнал.

Зоуи отогнала тяжелые мысли и прикинула – не взять ли жвачку? Однажды жвачка появилась в ее постели таким же загадочным образом, как когда-то, больше месяца назад, и книги. День ото дня ее упаковка становится все меньше. Но сейчас, пожалуй, лучше было воздержаться. Для того чтобы распробовать освежающий вкус сладкой мяты, пока он не растворится на языке, времени казалось недостаточно. Может, она сделает это сегодня вечером.

Осторожно, опасаясь выронить стекло прямо на улицу, она вставила его место. И, как только Зоуи закончила, из коридора раздались приближающиеся шаги. Придерживая стекло, она торопливо спустилась и вернула стул на место. Когда шаги замерли у двери, Зоуи уже стояла рядом с кроватью, натягивая свои изношенные ботинки.

Раздался стук в дверь.

– Входите, – сказала она. Дверь отворилась, из коридора на нее смотрел Саймон. Он был одет в свою обычную форму наставника – застегнутая на все пуговицы черная рубашка с плотно стянутым у горла воротником, штаны цвета хаки и походные ботинки. Лицо его выглядело привлекательным, однако на лбу и с обеих сторон тонкого рта уже залегли глубокие морщины. Его темные волосы, тщательно зачесанные на одну сторону, как обычно, словно еще больше поседели на висках за ночь. Он смотрел на Зоуи иссиня-голубыми глазами, особенно выделявшимися на фоне бетонных плит, с той теплотой, которая всегда ее успокаивала – независимо от того, что происходило в данный момент.

– Доброе утро, Зоуи.

– Доброе утро, Саймон.

– Хорошо отдохнула?

Она кивнула.

– Отлично. Готова позавтракать?

– Конечно.

Он придерживал дверь, пока Зоуи выходила, а затем отпустил ее. Дверь закрылась с тихим щелчком – замок, спрятанный в рамке, заблокировал дверь. Они медленно брели по коридору, и шаги их почти совпадали. *Сколько же раз мы делали то же самое?* Пожалуй, она могла бы и подсчитать, но с какой целью? Ведь ей было известно, зачем они это делают. По той же причине, по которой во всех комнатах висели календари. Той, по которой их учили различать месяцы и даты лишь после того, как они запомнят все правила. Всего лишь для того, чтобы построить еще одну стену вокруг себя, прекрасно осознавая, как долго они живут здесь и выполняют однообразную работу день ото дня.

Почти в самом конце коридора они свернули за угол. Зоуи посмотрела на свое странное выпуклое отражение в изогнутом зеркале у самого потолка. Скорчила себе рожицу. Впереди них уже виднелась лестница, но Зоуи замедлила шаг, так как заметила другого наставника у одной из последних дверей слева. Он был моложе Саймона, но не намного. Его коротко

остриженные светлые волосы обнажали кожу черепа под флуоресцентным освещением. Она знала, что его зовут Эббот, но все называли его Эйб. Зоуи остановилась, и Саймон последовал ее примеру.

– Что случилось? – спросил он.

– Я думала о том... – она моргнула и облизнула губы, – я хотела поговорить с ней перед тем, как она уйдет.

Саймон запрокинул голову, и рот его сжался в одну бескровную линию.

– Зоуи, ты же знаешь, что вам не положено разговаривать в ее комнате. Особенно сегодня.

– Я знаю. Но кому от этого плохо? Днем ее уведут, и я не увижу ее... – Зоуи уже хотела сказать «больше никогда», но вовремя одернула себя, – какое-то время.

Эйб, который случайно услышал их разговор, неподвижно и безучастно смотрел на Саймона. Саймон нахмурился и устремил свой взгляд в глубь коридора на куполообразный выступ на потолке. Камеры были здесь повсюду, их матовые глаза всегда осуждающе следили за происходящим.

– Пожалуйста, – настаивала Зоуи, удивляясь своей смелости. Саймон снова посмотрел на нее, потом на Эйба. Эйб пожал плечами, как бы отвечая: «Я не против».

– Всего на пару минут, – сказал Саймон.

Эйб повернулся к двери и дважды постучал в нее. Изнутри раздался невнятный ответ, и Эйб поднес свой браслет к сканеру рядом с замком. Дверь со шелчком открылась, и Эйб распахнул ее перед Зоуи.

Эта комната была точной копией ее собственной. Здесь был только столик, стул, ненавистный календарь и одинокий обитатель, сидящий на кровати.

И как всегда, Зоуи восхитилась красотой Терры. Ее волосы, длинные и светлые, почти даже белые на концах, всегда были очень послушными. Они подчинялись любой прихоти своей хозяйки. Теперь они были убраны назад, открывая ее лицо, тонкий нос, высокие скулы и темные глаза. Взгляд Терры выражал восторг и неподдельное удивление – эмоции, которые раньше она никогда не показывала.

– Зоуи! Что ты здесь делаешь? Тебе не положено быть в моей комнате, – голос у Терры был звонким и настойчивым. Она поднялась с кровати, став почти на восемь сантиметров выше Зоуи. Хотя Зоуи никогда не назвала бы себя коротышкой... но даже на ее фоне Терра выглядела великаном. Все вокруг Терры словно кричало о ее превосходстве, поэтому-то Зоуи так боялась.

– Мне нужно было поговорить с тобой перед церемонией.

– О чем?

Зоуи заколебалась, словно стояла на краю пропасти и могла еще отступить назад.

– Притворись больной, – наконец выдохнула она приглушенным голосом.

Терра слегка наклонила голову и прищурилась, как будто не расслышала того, что сказала ей Зоуи.

– Что? Зачем это?

– Потому что ты не должна уходить.

Терра вздохнула.

– Зоуи, ведь мы уже разговаривали об этом. Ты же знаешь – это то, о чем мы все здесь мечтаем. Я ждала этого дня много-много лет. С тех самых пор... – ее голос сорвался, и Зоуи заметила особый блеск в глазах Терры. – С тех пор, как я себя помню. Мы не должны бояться Программы, нам следует принять ее. Ведь это же для общего блага...

Зоуи отвернулась от нее и, глядя себе под ноги, подошла к столу.

– Пожалуйста, не говори этого.

– Не говорить чего?

– «Для общего блага». Пожалуйста, не говори так.

Терра подошла к ней сзади и положила на плечи Зоуи свои руки – сильные и уверенные. Ведь уверенность была, казалось, главным ее качеством (ну и еще доброта).

– Но ведь это правда, Зоуи. Я не боюсь того, что должно случиться. И ты не бойся. Ведь сегодня я их увижу. Увижу своих родителей!

Голос Терры снова сорвался, и Зоуи поняла, что подруга плачет за ее спиной. Но заставить себя посмотреть на Терру Зоуи была не в силах.

– Там, за пределами этих стен, – продолжала Терра, – есть место, безопасное для нас. И вот теперь, после стольких лет ожидания, я собираюсь туда вместе с ними.

Зоуи развернулась и посмотрела на заплаканное лицо Терры.

– Я в это не верю, – сказала она. – Я думаю, они нам лгут.

– Как ты можешь так говорить? Ведь они же всегда защищали нас от вируса и тех, кто мог нас обидеть. Зачем им делать это, если они лгут?

Зоуи пропустила ее вопрос мимо ушей.

– Притворись, что споткнулась, упав с лестницы. Если ты хоть немного поранишься, они отправят тебя в лазарет, и мы выиграем несколько дней! – Зоуи уже не могла – да и не пыталась – сдержать мольбы в голосе.

Терра улыбнулась, и Зоуи вдруг передернуло от выражения лица подруги, полного спокойствия и царственной снисходительности.

– Ты же знаешь, что я не стану этого делать. Просто не могу. Не переживай, скоро мы опять будем вместе и в безопасности. Снова увидим Грейс и Хейли и сможем познакомиться с родителями друг друга.

Зоуи сделала шаг назад.

– Это вранье, – зашипела она, не в силах справиться с нарастающей яростью, – я не знаю, что случится после того, как они заберут тебя, но точно не то, о чем они говорят. Все это ложь, я вижу это в глазах мисс Гвен, что бы она ни говорила про безопасную зону. Она врет нам, точно так же, как врет Директор!

Терра выглядела так, словно ее ударили. Рот ее раскрылся от удивления, и она поспешно прикрыла его ладонью.

– Хватит, Зоуи. Ты не знаешь, о чем говоришь. Это просто абсурд.

Зоуи потрясла головой и вдруг заметила, что дрожит всем телом, как после долгой пробежки.

– Пожалуйста, Терра, не уходи.

Терра привела себя в порядок и снова стала той, кем была среди девушек в течение всех прошлых лет: всеобщим и исполнительным лидером. Она вытерла остатки слез, и взгляд ее снова стал решительным.

– Я люблю тебя, Зоуи. Скоро ты сама убедишься, что все в порядке. Все будет так, как должно быть.

Зоуи посмотрела на Терру и почувствовала, как сердце ее сжимается.

– Прощай, Терра, – отозвалась она и направилась к двери, не оборачиваясь.

Глава 2

В обеденном зале, как всегда, было безмолвно, и только звяканье и постукивание ложек или вилок по пластиковой посуде нарушали тишину.

Здесь, за этими длинными низкими столами с пластиковыми скамейками по обе стороны, без труда могли поместиться сотни три человек, сиди они вплотную друг к другу. Однако занят был только один из этих столов.

Пять девушек, уже рассеявшихся на свои места, разбились на две группы. Когда вошли Зоуи и Саймон, несколько пар женских глаз устремились на них. Жестокий взгляд зеленоглазой Риты держался дольше остальных, пока она наконец не усмехнулась и опустила глаза в тарелку. Шерилл и Пенни, что сидели по обе стороны от Риты, лишь смерили Зоуи прохладным взглядом. Однако взор Пенни выражал и нечто такое, что всегда заставляло Зоуи съеживаться в ее присутствии. Словно бы та шинковала ее своим взглядом и наслаждалась этим процессом.

Зоуи прошла мимо стола, на котором стояли разогретые под низко висящими плитами тарелки. На стальном подносе почти в метре от тарелок Саймона и Эйба стояло три блюда. Миска и тарелка Зоуи были красными, в то время как у наставников они были темно-серого цвета. Зоуи взяла свою порцию, даже не посмотрев на нее. Меню она знала наизусть: та же, что и всегда, овощная смесь, та же бледная овсянка и вода, очищенная и безвкусная, как воздух.

Зоуи села рядом с Лили, самой сублильной и юной из девушек кампуса. Лили было только шестнадцать. В одной руке она держала вилку, другой сжимала ложку и с трудом пыталась донести ее до рта, не расплескав овсянку. Руки ее тряслись, отчего все падало обратно в миску. Копна вьющихся каштановых волос спадала на правую сторону ее лица. Сегодня никто не помог девочке заколоть их.

– Доброе утро, Лили, – поздоровалась Зоуи.

Лили неловко повернулась на скамейке. Одно ее плечо поднялось гораздо выше другого. Завидя Зоуи, Лили улыбалась, отчего ее лицо словно теряло очертания. Один глаз, например, смотрел в сторону.

– Привет, Зи! – ответила Лили с воодушевлением и, наклонившись вперед и продолжая улыбаться, повторила: – Привет!

К уголкам ее рта и распущенным волосам прилипло несколько хлопьев овсянки. Зоуи улыбнулась ей в ответ, а потом метнула гневный взгляд в сторону Стивена, наставника Лили. Он смерил ее ответным взглядом и вернулся к трапезе.

Повернувшись обратно к девочке, Зоуи вытащила хлопья из ее волос и вытерла ей рот. Лили тихо рассмеялась, постукивая ладонью по столешнице.

– Угомонишь ты эту debilку или нет? – прошипела Рита, не отрывая глаз от тарелки. Зоуи с возмущением посмотрела на девушку, но Рита продолжала: – Тошно смотреть, как она ест!

Зоуи уже открыла рот, чтобы ответить ей, но дежурный охранник Криспин шагнул вперед и положил свою руку в перчатке на стол.

– Я не допущу здесь подобных разговоров, – прорычал он своим глубоким грудным баритоном.

Рита взглянула на него с ухмылкой и заправила длинный локон своих рыжих волос за ухо. Содрогааясь от ярости, Зоуи постаралась взять себя в руки и с благодарностью кивнула Криспину. Он отступил от стола и заложил большие пальцы рук под широкий кожаный ремень поверх униформы.

– Не слушай ее, – прошептала Зоуи девочке, снимая с ее запястья запасную резинку. Но Лили на нее уже не смотрела. Часто моргая, она начала размахивать ладонью перед лицом.

Зоуи аккуратно смахнула волосы со лба Лили, стянула их резинкой на затылке и помогла ей доесть овсяную кашу. И только управившись с Лили, Зоуи принялась за собственный завтрак.

– У тебя уже нет времени доедать, – сказал ей кто-то с другого конца стола.

Зоуи подняла глаза и увидела Мику, которая опиралась на локти, подперев подбородок ладонями. Ее раскосые миндалевидные глаза были такими же черными, как и волосы, окаймлявшие лоб острым треугольником и косами спускавшиеся с двух сторон овального лица.

– Мне все равно, – ответила Зоуи, кусая морковку.

– А вот не будет, когда ты отощaeшь и они затащат тебя в лазарет. А там подключат к одной из машин экстренного питания. В самом деле, взгляни на себя. Если бы ты упала в коридоре, то проскользнула бы прямо под дверь.

– Да кто бы говорил, – парировала Зоуи, – ты тяжелее меня всего на пару килограммов.

– Ага, – кивнула Мика, – зато это одни мышцы, ты же прекрасно знаешь.

Зоуи не смогла сдержать улыбку.

– Мика! – одернул Томас, ее наставник, который сидел чуть поодаль и уже доедал свой завтрак. – Довольно.

– Но нам же разрешают разговаривать друг с другом, верно? Или они добавили это в свой список проклятых правил, пока мы все спали? – Голос ее становился все громче и громче, пока все присутствующие в обеденном зале не повернули к ней головы.

– Мика... – начал Томас, вставая из-за стола.

– Да-да, я знаю. «Утомись, или тебя засунут в карцер», – взглянув на Зоуи, Мика закатила глаза, а потом повернулась к Лили и скорчила той рожицу. Лили снова захохотала и начала раскачиваться на скамейке. Проворчав себе что-то под нос, Томас вернулся на место.

– Ты проведешь там много времени, если продолжишь так себя вести, – сказала ей Зоуи. – Ты их этим только дразнишь.

– Когда они в последний раз отправляли кого-нибудь в карцер? А? Я скажу тебе. Это было больше года назад, прямо перед тем, как призвали Хейли. Помнишь, как она перестала есть и ее насильно откармливали в лазарете?

Зоуи отложила вилку. Она вдруг почувствовала, что больше не хочет есть.

– Да, я помню, – кивнула она.

– А когда Хейли напала на охранника, – продолжала Мика, – они бросили ее в карцер на два дня. Помнишь, как она выглядела, когда вышла?

Зоуи поймала суровый взгляд Мики, и зубы ее сжались до скрежета.

– Да, помню. Можешь не продолжать.

– Выглядело так, словно в голове у Хейли что-то перегорело. Что бы с ней там ни случилось, это наверняка было ужасно. А потом она больше не разговаривала. До тех самых пор, пока ее не забрали.

– Я помню! – воскликнула Зоуи. Лили подпрыгнула и закрыла уши ладонями, раскачиваясь на скамейке все сильнее. Зоуи оглянулась и встретила хмурый взгляд Саймона. Он покачал головой.

– Прошу прощения, – сказала она и, подхватив поднос с почти нетронутым завтраком, выбросила его в большой мусорный ящик рядом с закрытым кухонным окошком. И как раз в эту секунду изо всех динамиков ОУИ раздался короткий звонок. Он эхом разнесся по пустынным коридорам и залам кампуса. Девушки и их наставники поднялись со своих мест.

Мика шагнула было к Зоуи, но заколебалась. Развернувшись, она направилась к двери, ведущей в зал. Стивен отнес поднос Лили и вывел ее из комнаты. И, как всегда, от ее хромящей походки сердце у Зоуи сжалось. Саймон подошел к Зоуи сбоку и молча ждал, пока она стояла и смотрела вниз перед собой. Все вышли, и в обеденном зале снова воцарилась тишина.

– Ладно, – наконец произнесла Зоуи, – идем.

Лекционный зал располагался на том же этаже, где и обеденный, и был таким же просторным. Он находился в самом центре корпуса, и поэтому окон тут не имелось – отвлекаться во время занятий было не на что. Когда девушки одна за одной входили в зал, их шаги эхом разносились по пустынной комнате, рассчитанной на гораздо большее количество присутствующих. Чувство разочарования и печали витало здесь в воздухе, словно комната сама по себе испытывала горечь от угнетающей пустоты.

Наставники сели у двери, а девушки прошли в самую глубь лекционного зала, где была установлена импровизированная перегородка. Звукопоглощающие доски по стенам зала растянулись почти на пять метров до самого потолка. Места здесь хватало по крайней мере на пятьдесят учебных парт, но осталось всего лишь шесть передних. Огибая угол, Зоуи остановилась, не в силах отвести взгляд от места, где всегда сидела Терра. Теперь же здесь было абсолютно пусто, и лишь четыре царапины на полу напоминали о том, что когда-то тут что-то стояло.

Парта Зоуи находилась прямо перед опустевшим местом, и она села за нее, пытаясь не обращать на него внимания.

Мисс Гвен, как обычно, сидела за своим столом. Когда девушки проходили мимо, она улыбалась им так, словно они повстречались впервые. Это была симпатичная женщина лет сорока восьми, с русыми волосами, коротким лбом и карими глазами, спрятанными под очками в темной оправе. Ее круглые щеки всегда были пунцовыми, словно она только что пришла с мороза или услышала шокирующие сплетни. Но Зоуи знала, что это не так.

Когда все девушки расселись по местам, учительница окинула их взглядом, встала из-за стола и обогнула его. В окружении пластика и бетона этот длинный старинный стол казался пришельцем из другой эпохи.

На мисс Гвен было обычное платье, такого же цвета, что и одежда девушек. Оно спускалось ниже колен к туфлям на плоской подошве. Улыбка мисс Гвен была такой же искусственной, как и цветы, кое-где украшавшие коридоры.

– Доброе утро, – поприветствовала она.

– Доброе утро, мисс Гвен, – ответили девушки в унисон – все, кроме Мики. Она не здоровалась с учительницей уже две недели. С заднего ряда, куда посадили Лили, раздался восторженный возглас, и улыбка мисс Гвен чуть дрогнула. В глазах ее промелькнула вспышка презрения, но так быстро, что никто, кроме Зоуи, этого не заметил.

– Как у нас дела сегодня утром? – спросила мисс Гвен.

– Очень хорошо, спасибо, – хором ответили девушки. Учительница лучезарно улыбнулась.

– А теперь давайте встанем и прочитаем наши убеждения.

Послышался топот ног, и все дружно встали. Учительница вернулась к столу, подняла свою тонкую деревянную указку и ударила ею по медной дощечке, прикрепленной к стене.

Но никому уже не нужно было смотреть на инкрустированную черной краской гравировку дощечки: все слова на ней девушки знали наизусть.

– Мы существуем для общего блага. Мы живем ради возможности восстановить наш мир, который был уничтожен. Мы едины в своем осознании и устойчивы перед испытаниями, которые ждут нас. Мы благодарны за наше убежище и руководство Директора. Мы не свернем с намеченного курса, – повторили ученицы.

Мисс Гвен улыбнулась и указала на отдельный листок под дощечкой, где было несколько пронумерованных строк, выделенных жирным шрифтом. Ученицы продолжили декламировать:

– Общее благо гораздо важнее, чем любая отдельная жизнь. Мы подчиняемся Директору и его указаниям. Мы не можем ослушаться наставников или охранников, поскольку их слова – это слова Директора. Мы не станем принимать легкомысленных решений, поскольку все, что мы делаем, затрагивает остальных. А если же нарушаем правила, то несем наказание не только

мы, но и ближайшая к нам девушка. Ибо мы отвечаем не только за себя. Любая община, еще существующая в этом мире, зависит лишь от нас.

– Очень хорошо. У вас прекрасные голоса, когда вы декламируете все вместе. Можете присаживаться, – сказала мисс Гвен.

Ученицы сели на места. Зоуи показалось, что Мика смотрит на нее, но когда она повернула голову, чтобы встретиться с ней глазами, то увидела, что взгляд девушки проходит лишь сквозь нее – к тому месту, где раньше сидела Терра. А спустя пару секунд Мика снова повернула голову к учительскому столу. Зоуи сделала то же самое.

– И прежде, чем мы продолжим, – начала мисс Гвен, – я хочу добавить: все мы помним, что для одной из нас сегодня особенный день. Ведь Терре, как вы знаете, исполнился двадцать один год, и это значит, что во второй половине дня ее призовут к участию в Программе. Это необыкновенно важное событие, ведь с момента переезда Хейли к родителям в безопасную зону прошло уже больше года, – мисс Гвен хлопнула в ладоши перед собой и вздрогнула, – а вскоре и все мы будем там со своими родителями. И хотя грустно оставлять свой дом здесь, никто не станет спорить, что это будет бесподобно! Надеюсь, вы все обдумали, как собираетесь попрощаться с Террой, и утешились тем, что вскоре придет и ваша очередь путешествовать с Директором, – она окинула всех взглядом, остановила его на секунду на непроницаемом лице Мики и, дождавшись ее кивка, продолжила: – Ну что ж, а теперь откройте ваши книги на главе двадцать два, страница сто три.

Раздался стук открывающихся парт, и каждая из девушек достала по учебнику – единственной книге в столе. Это было издание в твердой черной обложке с серебристыми буквами «НАД» по центру, которые переливались, когда Зоуи искала нужную страницу.

– Итак. Кто хотел бы начать? – спросила мисс Гвен таким тоном, словно это было величайшей честью на свете. Рука Лили мгновенно взлетела, и с заднего ряда послышалось ее напряженное сопящее дыхание. По лицу мисс Гвен, за которым внимательно наблюдала Зоуи, пробежала дрожь отвращения. Она медлила. Наконец поднялась еще одна рука, и мисс Гвен с облегчением повернулась к Пенни, чьи стриженные сальные волосы раскачивались над узкими плечами.

– Давайте я прочту, мисс Гвен, – сказала она равнодушно.

– Отлично, Пенни. Можешь начинать.

Часто моргая, Лили опустила руку и начала водить пальцем по строчкам учебника, читая то, что там было написано. Зоуи взглянула на застывшую улыбку мисс Гвен, и ей отчаянно захотелось подбежать и вдавить эту женщину в стену – достаточно сильно, чтобы сломать ей спину и проломить череп. Она бы все отдала, только бы стереть с лица мисс Гвен эту извечную ухмылку.

– «Падение рождаемости, – прочла Пенни название главы. – В конце две тысячи шестнадцатого года заметное падение рождаемости девочек стало очевидным во всем мире. Первоначальное отклонение было лишь на несколько процентов ниже предыдущих показателей. Но к середине две тысячи семнадцатого года стала заметна огромная разница в сравнении с прошлым годом – почти в половину меньше. Несмотря на беспрецедентное научное обязательство Национальной ассоциации деторождения установить причину происходящего и положить этому конец, к осени две тысячи восемнадцатого года было зарегистрировано, что на сотню миллионов новорожденных приходится лишь один младенец женского пола.

За это время повстанческие силы, состоящие из нескольких боевых группировок, восстали против правительства Соединенных Штатов и Национальной ассоциации деторождения и объявили открытую войну тем, кто пытался предотвратить падение рождаемости. Для получения дополнительной информации о восстании см. главу сорок три. В течение последующих пяти лет свирепствовала гражданская война, превосходившая по своей жестокости все конфликты, которые когда-либо видел мир, – пока наконец не было совершено удивитель-

ное открытие. Ученые НАД определили источник проблемы, которым оказался уникальный вирус, поражающий эмбриональные нуклеотиды в парных X-хромосомах и предотвращавший тем самым рождение девочек. Этот же вирус впоследствии мутировал, став смертельным для заразившихся. Американская нация, а вскоре и вся планета погрузились в пучину бедствий и разрушительного хаоса».

От монотонного чтения Пенни у Зоуи начинает гудеть затылок, предвещая головную боль. Она посмотрела вниз на аккуратные абзацы текста и изношенные от постоянного перелистывания страницы книги. Ведь именно так ее здесь учили – как и всех остальных. Английскому, математике и естественным наукам уделили лишь малую часть в начале книги. А вот второй, гораздо больший раздел учебника был посвящен тому, что случилось раньше и происходило до сих пор во внешнем мире, за пределами стен их кампуса. Сколько же раз они уже заканчивали читать эту книгу, чтобы на следующий день начать заново? Что нового они могли узнать из нее? И что еще могло вызвать все это, кроме ожидания и веры, что однажды их призовут и они покинут это место раз и навсегда?

Уже не слушая Пенни, Зоуи массировала затекшую шею и отдавалась воспоминаниям о бесстрашном Эдмоне и его смелом побеге из заточения. Она уже и не помнила, сколько раз прочла «Монте-Кристо», но каждый раз, открывая первую страницу книги заново, Зоуи испытывала это волшебное, ни с чем не сравнимое чувство. Она закрыла глаза и очутилась там, рядом с ним у моря. От того, чтобы стать совершенно новым человеком, ее отделяли лишь доли секунды, соковища были почти в руках, а месть – близка, как никогда.

– Зоуи!

Она очнулась и вдруг поняла, что уснула. Мисс Гвен стояла в нескольких шагах от нее и сверлила Зоуи своим взглядом. Уголки губ у учительницы были низко опущены.

– Да, мэм?

– Ты заснула! – Слова слетали с ее уст с таким раздражением, словно были проклятьями.

– Извините. Я просто...

– Просто что?

– Я... – Под тяжелым взглядом мисс Гвен у Зоуи перехватило дыхание. Рита захихикала, а Пенни оскалила зубы.

– Я плохо спала прошлой ночью. Была так возбуждена из-за сегодняшней церемонии! – Ложь слетела с ее языка легко, как по маслу.

Мисс Гвен выпрямилась. Гнев в ее глазах слегка поутих, а губы выровнялись.

– Ну что ж, я могу это понять, ведь твой призыв тоже совсем скоро, – посмотрев на Зоуи с выражением сочувствия, на какое только была способна, мисс Гвен кивнула на раскрытый учебник, лежавший перед девушкой. – И все-таки, сейчас твоя очередь. Читай со второго до последнего параграфа внизу страницы сто шесть.

Зоуи прокашлялась и принялась за чтение.

Все утро прошло за монотонной лекцией. Девушки по очереди читали главу, а мисс Гвен задавала им вопросы, на которые прежде они уже отвечали множество раз.

– Почему мы подчиняемся правилам?

– Потому что только так мы остаемся в безопасности.

– Почему мы должны жить здесь, внутри этих стен?

– Потому что снаружи мы погибнем.

– Как мы можем восстановить наш мир?

– Служить ради общего блага.

Раздался звонок, и девушки поднялись из-за столов. В животе у Зоуи вдруг заурчало, ведь она почти ничего не съела. Пока она помогала Лили подняться, Мика ждала ее в дверях.

– Мне не стоило говорить все то, что я сказала сегодня, – пробормотала Мика. Она протянула руку Лили, и та схватилась за нее, радостно взвизгнув.

– Да все в порядке. Это я отреагировала слишком бурно, – отозвалась Зоуи. Они прошли мимо стола мисс Гвен, и ее острый, как бритва, взгляд проследовал за девушками. Дождавшись, пока выйдут из зала, они заговорили опять.

– Да нет, не в порядке, – произнесла Мика. – Я всегда говорю, не успев подумать.

– Ты не сказала мне ничего такого, о чем бы я не знала, – Зоуи покосилась на подругу, и верхняя губа ее дрогнула. Мика ответила Зоуи ядовитым взглядом:

– В прошлый раз я была с тобой мила.

– В самом деле, ты так считаешь?

– Да ты порядочная стерва, ты в курсе? – ответила Мика, хотя глаза ее улыбались.

– Терва, терва, терва, терва, – принялась повторять Лили.

– Лили, это нехорошо, – прервала Зоуи, останавливаясь посреди широкого лекционного коридора. – Ты не должна так говорить, идет?

Опустив подбородок на грудь, Лили улыбнулась.

– Дёт, – кивнула девочка, и они продолжили свой путь. А спустя пару секунд Лили повторила едва слышно: – Терва.

Мика расхохоталась, и ее звонкий смех эхом отозвался от бетонных стен. Тут же ее наставник, насторожившись и склонив голову набок, поспешил к подругам. Мика закатила глаза и отпустила руку Лили.

Наставники пристроились рядом с девушками, словно случайно прогуливались вниз по коридору, и звук шагов в закрытом пространстве стал еще громче. Зоуи плелась в самом хвосте этой группы, а Саймон, как обычно, держался слева от нее. Когда они уже почти подошли к обеденному залу, откуда доносился запах еды, Саймон удивил ее, вдруг заговорив.

– Я слышал, что утром ты получила выговор, – сказал он.

Она взглянула на него, но Саймон смотрел в сторону.

– Да, я уснула.

– Тебе следует позаботиться о том, чтобы этого больше не повторилось.

– Я постараюсь. Просто устала.

– Ты плохо спала?

– Нет, нормально.

Саймон что-то проворчал.

– Тебе нужно быть внимательной на лекциях.

– Я знаю. Обычно я внимательна, – внезапно Зоуи почувствовала ярость и сжала зубы. *Зачем?* – думала она. *Зачем мне быть внимательной? Чтобы снова и снова твердить все эти правила и дополнения, которые уже отпечатались в моей голове? Чтобы не навлечь на себя гнев этой женщины, которая прячет свои истинные чувства за фальшивой улыбкой?* Ведь мисс Гвен ненавидела их, и Зоуи это прекрасно знала. Она видела это во взгляде учительницы или же в том, как та похлопывала себя по бокам, словно жаждала учинить с ними что-то ужасное.

Появление Ли из-за угла заставило Зоуи отвлечься от мыслей.

Ли. Его рыжеватые волосы всегда были взлохмачены, словно он только что проснулся. Казалось, он никогда не расставался со своей беззаботной улыбкой. Его веснушки, которыми Зоуи любовалась так часто, что не смогла бы сосчитать... Увидев ее, Ли улыбнулся, сверкнув своими белоснежными зубами. Но взгляд его лишь на секунду задержался на Зоуи, прежде чем он повернулся к отцу.

– Привет, пап. Я искал тебя, – сказал Ли, подходя к ним.

– Ты же знаешь, что не должен останавливать нас в коридорах, – отозвался Саймон, глядя мимо сына на удаляющуюся шеренгу девушек и их наставников.

– Я бы этого не сделал, но помощник Картер разыскал меня сегодня утром по пути на завтрак. Он хотел, чтобы я передал тебе, что ты должен отчитаться ему после смены сегодня

вечером, – Саймон скосил глаза и посмотрел на пол перед тем, как бросить взгляд на ближайшую камеру на потолке.

– Я понял. Спасибо.

– Пожалуйста. – Ли повернулся и прошел мимо них, слегка задев Зоуи. Она едва почувствовала его прикосновение и знала, что даже на камере это движение будет выглядеть весьма невинным.

Она не повернула голову и ничем не обнаружила того, что что-либо заметила. Вместо этого Зоуи продолжила свой путь к обеденному залу с равнодушным выражением на лице. И лишь спустя какое-то время она опустила руку в карман и нашла внутри сложенный лист бумаги.

– Мне нужно в туалет, – сказала она, указав на одну из комнат без дверей справа, когда они проходили мимо. Саймон взглянул на часы и кивнул:

– Поторопись.

Когда Зоуи вошла в туалет, то увидела, что внутри пусто. Ее накрыла волна восторга. В дальнем углу комнаты была установлена камера, но она не могла заснять того, что происходило внутри кабинок, выстроившихся в линию у стены. И эта возможность уединиться была, казалось, единственным орудием девушек в стенах ОУИ среди остальных его обитателей.

Она нырнула в кабинку и спустила штаны, чтобы все выглядело как надо. А перед этим вытащила из кармана записку. Сидя на холодном пластиковом сиденье, Зоуи развернула клочок бумаги не больше сантиметра в ширину. В центре его было написано всего одно слово:

«Вечером».

Зоуи улыбнулась и засунула записку в рот, пережевывая ее в мягкий комок, перед тем как проглотить.

Глава 3

– Интересно, а что прямо сейчас ест наша принцесса? – сказала Мика, перебирая на тарелке вареные овощи и консервированное мясо, которое успело остыть уже до того, как они сели на свои места. Зоуи жадно заглывала вязкое мясо и даже не задавалась вопросом, из какого животного его приготовили. Она пожала плечами:

– Должно быть, что-то особенное.

– Я слышала, что там ты можешь получить все, что пожелаешь, – сказала Мика, потягивая воду.

– Ты не можешь получить все, что пожелаешь, если у них этого нет.

– В этом-то все дело. Я думаю, что есть. Ну смотри, большинство этих овощей всегда свежие, верно? А значит, они их где-то выращивают. Не знаю как ты, но я не видела никаких грядок на территории ОУИ. – Это была их давнишняя дискуссия, и Зоуи вступила в нее лишь для того, чтобы сгладить впечатление от предыдущей ссоры.

Продолжая жевать, она задумалась.

– А может, на крыше? – предположила Зоуи.

– Может. Но я сомневаюсь.

– Ты думаешь, они выращивают их снаружи?

– Должно быть.

– Но единственные, кто выбирается наружу, – это Жнец и Красноглазые. – От этих имен по телу Зоуи пробежала дрожь, и ей пришлось сделать усилие, чтобы унять ее.

– Они единственные, кого мы видели. Но мы не можем видеть в темноте, – сказала Мика, округлив глаза.

– Но ведь... – Зоуи нахмурилась.

– Ведь что?

Она покачала головой:

– Ничего. С такими разговорами нам явно грозят проблемы.

Мика пожала плечами:

– Да у нас кругом проблемы. Нельзя разговаривать с сыновьями наставников. Нельзя допускать сомнений. И даже ласкать себя не разрешается! Ага, так я и послушалась...

– Мика!

– Ну а что, ведь правда же. Это все, что мы имеем. Помнишь, как они поймали Кейли в туалете, когда она была там с сыном своего наставника? Как его звали...

– Эндрю, – сказала Зоуи чуть слышно.

– Они запахнули ее в карцер на день, а парня и его папашу мы больше не видели.

– Я помню. Пожалуйста, тише.

– Да мне уже все равно, правда. Впереди у меня все еще шесть месяцев, ну а потом увидим, что они для нас приготовили. В сравнении с этим уже ничего не выглядит пугающим.

На время они обе замолкли и смотрели лишь в свои тарелки.

– Держу пари, Терра сегодня получила курицу и пюре, – тихо сказала Мика. – С маслом.

От упоминания о масле у Зоуи потекли слюнки, и еда вдруг стала казаться гораздо вкуснее. Масло у них было лишь раз в году, в канун Нового года.

Зоуи вздохнула и отложила вилку.

– Ну почему ты всегда такая взбалмошная?

– Так уж устроена.

Лили раскачивалась рядом с Зоуи и фальшиво напевала себе что-то под нос. Зоуи следила за ее движениями, и страх накрывал ее, словно штормовые волны. Кто же будет присматривать за Лили, когда она уйдет? Раздался звонок, и от неожиданности Зоуи подскочила, задев

рукой ложку, которая отлетела на другую сторону стола. В мгновение ока Мика подхватила ее, да так быстро, что Зоуи даже не заметила.

– Ты в порядке? – возвращая ложку, спросила Мика, когда все начали выходить из-за стола.

– Ничего, – кивнула Зоуи.

Друг за дружкой они вышли из зала в коридор и направились в свои комнаты. Зоуи проводила взглядом Лили и ее наставника. И лишь когда они исчезли за ближайшей к Зоуи дверью, она поднесла запястье к сканеру и шагнула в свою комнату. Саймон, аккуратно сложив руки за спиной, остался стоять в коридоре. Зоуи знала, что эту позу он приобрел еще со времен военной службы. Она подозревала, что не только Саймон, но и остальные наставники были бывшими военными, которых приставили к девушкам по определенным (порой – довольно загадочным) причинам.

Ей вдруг вспомнилась та ночь, когда она убедилась в том, что Саймон был солдатом...

Ей было не больше семи. Той ночью ее разбудили автоматические пушки. Стены корпуса слегка приглушали их грохотание, но тем не менее оно оставалось достаточно громким. От этих звуков девочка проснулась и с широко открытыми глазами пересекла свою комнату, лишь потом осознав, что выбралась из постели.

Вся комната была освещена потрясающим красным сиянием, ярче всего, что ей доводилось видеть раньше, даже ярче восхода солнца. Зоуи больше не вздрагивала от громохвота за стеной, и, подступив к окну, она выглянула наружу.

Непроглядную тьму за окном в ту ночь сменили краски.

Стрелы белого фосфора разрезали воздух над ОУИ, а красная звезда, падающая в сторону корпуса, все под собой освещала. И как раз в этот момент со стены оживились снайперы, поливая огненными струями что-то снизу. До Зоуи доносились громкие и протяжные крики. От воплей и ругательств внутри у нее все сжалось. Но она не могла отвести взгляда от окна. Она прижалась к стеклу и наблюдала за происходящим, когда догадалась вдруг, что молнии света – это пролетающие в воздухе пули. Однако красота этого хаоса затмила все страхи.

Сотрясающий стены взрыв отбросил Зоуи от окна. Над стеной ограждения поднялся огромный огненный шар, размером не меньше, чем комната Зоуи. По краям его мелькало пламя, перетекая с одной стороны на другую, словно вода. Коснувшись одного из снайперов в гнезде, он поджег его. Снайпер закрутился и истошно завизжал, и от этих криков Зоуи захотелось зажать уши. А потом он спрыгнул со стены – но не внутрь, на бетонные плиты, окружавшие здание, а наружу. Он выпрыгнул за пределы кампуса, и лишь один этот факт каким-то образом напугал ее даже больше, чем все, что Зоуи успела увидеть. Потому что в те годы она все еще верила, что нет ничего страшнее, чем находиться снаружи.

А потом в ее комнату ворвался Саймон. Зоуи не сразу поняла, что это был он, и потому даже вскрикнула от неожиданности. А когда узнала его, она подбежала к Саймону и обхватила его за талию. Он обнял ее, чего почти никогда уже не делал после. Его голос оставался низким и спокойным, но было в нем нечто такое, что заставило Зоуи заглянуть ему в лицо. Он тоже был напуган.

В волнении Зоуи не сразу увидела Ли рядом с Саймоном, и, лишь когда мальчик коснулся ее руки, она заметила его. Саймон велел им спрятаться в ванной и не разговаривать, вести себя как можно тише. Ли повел ее в ванную, но Зоуи успела оглянуться на Саймона еще раз. Одной рукой он запер дверь, прижавшись к ней для большей безопасности всем своим весом. В другой руке он сжимал пистолет наподобие тех, что висели на ремнях у охранников.

Они сидели в темной ванной, Ли держал Зоуи за руку и говорил о вещах, которые в тот момент не имели для нее никакого смысла. Лишь позже она поняла, что он рассказывал эти истории только для того, чтобы успокоить ее, хотя его собственная рука, обхватившая ее

ладонь, дрожала не меньше. Всего на несколько месяцев старше, Ли уже в тот момент начал заботиться о ней.

Всю ночь они так и просидели. Красное свечение то приближалось, то отдалялось, будто бы мир вращался так быстро, что солнце поднималось и опускалось снова и снова. Постепенно выстрелы утихали, и с каждым взрывом паузы в их разговоре становились длиннее. Вскоре до них доносился лишь тихий треск пламени, едва различимый за их тяжелым дыханием в этом тесном пространстве...

Зоуи вдруг поняла, что смотрит в окно на бесстрастную извилистую стену, и отогнала воспоминания. В ту ночь была битва, теперь она это знала, но из-за чего и кто на них напал – об этом Зоуи могла лишь догадываться.

Она направилась к узкому стенному шкафу позади ванной комнаты и открыла дверцу. Внутри висело платье из грубой серой ткани, такой же, из какой был сшит ее повседневный костюм. Снимая его с вешалки, Зоуи поежилась. Ткань на ощупь она ненавидела даже больше, чем униформу. Прихватив его в ванную, она переделалась и мельком взглянула на себя в зеркало, только чтобы убедиться, что платье не перекрутилось. Этот уродливый, грубо скроенный мешок служил девушкам напоминанием об их положении и о том, что ждет их в будущем.

Зоуи выключила свет, предпочитая темноту, и наслаждалась окружавшей ее тишиной как целебным бальзамом.

Зоуи и Саймон поднялись по ступеням на четвертый уровень и остановились подождать остальных девушек перед дверью зала собраний, за которой должна была проходить церемония. В коридоре было тихо, но вскоре со всех сторон до них начали доноситься приближающиеся шаги. Это оказались рабочие в ярко-желтых комбинезонах, повара в зеленых фартуках и несколько свободных от работы охранников в повседневных черных жилетах и штанах цвета хаки. С ремней у них свисали штыки – длинные составные трубки, отполированные до блеска и отражающие свет вокруг уже с оттенком насилия. На обоих концах штыков серебряными кликами выступали два электрода.

Зоуи смотрела на них и представляла, каково это – быть избитым подобным оружием. Она видела это всего несколько раз. Впервые – когда один из рабочих, как им всем показалось, потерял рассудок и выхватил у охранника штык, выкрикивая бессвязные угрозы и ругательства. Четверо других охранников окружили его и набросились на мужчину, сверкая ослепительным электрическим разрядом своих дубинок. А тот даже не в силах был вскрикнуть и лишь застыл, открыв рот, где с одного зуба на другой, как увидела Зоуи, скакало бледное пламя.

Наконец все собрались, ожидая снаружи: девушки в одинаковых серых платьях, их наставники, стоявшие рядом, и сыновья наставников, собравшиеся в отдельную группу. Все эти парни были почти одного возраста, высокие и низкие. На лицах некоторых застыла нахальная усмешка, кто-то рассматривал свои ботинки. Все они были одеты в бледно-голубые рубашки и темные штаны. Среди них Зоуи отыскала и Ли, который подмигнул ей, едва сдерживая улыбку. Зоуи нахмурилась и отвернулась.

Из дальнего конца коридора раздался приближающийся топот ног, обутой в сапоги. Сердце у Зоуи замерло.

К ним направлялись Жнец и шесть Красноглазых. Их обмундирование было таким же черным, как и отполированные до зеркального блеска сапоги. В руках они сжимали короткие, мощные пулеметы и маршировали в темпе, установленном командиром. Жнец на целую голову возвышался среди остальных солдат. Это был широкоплечий мужчина с короткими темными волосами, сквозь которые просвечивался череп. Длинный шрам, прорезавший вдоль его голову, рваным швом спускался по лицу и терялся под черной маской, закрывающей его нос, рот и подбородок. Двумя ремешками она была закреплена на затылке.

Завидев приближавшихся, группы в коридоре рассеялись. Наставники остались на местах, а девушки вжались в стены. Зоуи не стала исключением. Она приказала себе не смот-

реть на солдат, прекрасно зная, что там увидит. Но в конце концов она не смогла себя удержать и подняла глаза на проходящего Жнеца.

Он смотрел прямо на нее.

В искусственном свете коридора его глаза казались почти бесцветными, с едва различимым оттенком серого. Взгляд их был бесстрастным, пронизательным и абсолютно безжалостным. И, хотя не выражал никаких эмоций, он обжигал, словно ледяная стужа.

Зоуи вздрогнула и поспешно отвела свой взгляд, дожидаясь, пока они не пройдут. Наконец топот сапог удалился и замер в тишине. А спустя пару минут до них донесся уже другой звук – шум подлетающего вертолета где-то над головами собравшихся. Он отчетливо раздавался даже сквозь толстые слои бетонного потолка.

– Кажется, они привезли еще одну малышку, – прошептала Мика.

– Но со времен Лили они больше никого не находили, – отозвалась Зоуи.

– Но это же не означает, что они прекратили поиски.

Из динамика раздался короткий сигнал и послышался голос помощника Картера:

– Можете войти.

Прозвучал щелчок, и перед ними открылись двойные двери.

Все вошли в помещение. Это был круглый амфитеатр с рядами сидений в несколько уровней. Предполагалось, что здесь, как и во многих других залах ОУИ, должны размещаться несметные толпы. Однако присутствующих было не больше шестидесяти, и они заполнили лишь нижние ряды. Девушки прошли к самому первому ряду под возвышающимся подиумом. Перед ним висел баннер, который украшала эмблема НАД и венок красного пламени, окружавший черную аббревиатуру. А с потолка свисал еще один баннер, уже гораздо больше. В глубине зала, по правую сторону от сцены Зоуи разглядела несколько дверей. Она знала, что они ведут в лазарет, и видела их там во время ежемесячного осмотра – с обратной стороны. Оттуда они выглядели совсем иначе – стальные, всегда запертые, с приставленным к ним охранником.

Зоуи проглотила комок в горле.

Все заняли свои места и притихли.

Без всяких предисловий двери лазарета открылись, и в зал вошли два доктора в белых костюмах, заняв места по обе стороны от входа. Следом за ними шел помощник Картер.

Он казался точным отражением собственного голоса: мужчина под сорок с блестящими волосами, туго зачесанными вдоль продолговатого черепа. Нос его был длинным и острым, и его крючковатый кончик почти касался ярко-красных губ. Картер был худым и всегда тонул в своем костюме-тройке – единственной одежде, которую Зоуи когда-либо на нем видела. Его смешной желтый галстук свисал почти до пояса. Картер окинул взглядом девушек и изобразил нечто вроде улыбки. Подойдя к краю низкой сцены, он остановился в ожидании и принялся потирать ладони, словно только что намочил их и старался высушить, либо просто наслаждался процессом.

Через пару секунд в дверях появились два охранника, за которыми вошел сам Директор. Это был высокий, хорошо сложенный мужчина с серебристыми волосами, зачесанными назад с широкого лба. Лицо его было таким же раскрасневшимся, как лица тех снайперов, которых видела Зоуи, – словно он проводил большую часть своего времени снаружи, на ветру, а не в четырех стенах корпуса. Взгляд его ярко-голубых глаз был пронизательным и острым («Как острие булавки», – подумала Зоуи).

Директор с будничным видом пересек сцену и, встав у микрофона, улыбнулся присутствующим. Вблизи он выглядел моложе своих лет, и мощные прожекторы подчеркивали здоровый цвет его лица.

– Всем добрый день, – сказал он в маленький микрофон, установленный на сцене. – Спасибо, что пришли.

– Как будто у нас был выбор, – прошептала Мика, не разжимая зубов, и Зоуи закусила губу.

Опустив глаза и разглядывая трибуну под собой, Директор сделал паузу, собираясь с мыслями. Наконец он поднял глаза на присутствующих и продолжил:

– Феникс – это фантастическое существо из греческой мифологии, которое часто изображают в виде благородной огненной птицы. Говорят, Феникс может прожить тысячи лет, прежде чем умереть, и, как правило, он сгорает и возрождается вновь из пепла. В общем-то идея не новая: возможность второго шанса, возрождения, обновления надежд и мечтаний. Кто-то может сказать, что это наша судьба, удел всего человеческого рода – всегда хранить надежду на спасение, даже если это последняя нить, которая соединяет нас с жизнью.

Директор замолчал, вглядываясь в лица девушек. Когда он дошел до Зоуи, она отвела свой взгляд и принялась рассматривать пустую стену позади Директора. Кто-то тихо кашлянул.

– И нить, о которой я говорю, – это вы, женщины, наша надежда на восстановление разрушенного мира. А сам этот мир, как вы видите, был птицей Феникс. Миллионы лет человечество отстраивалось на костях своих предков, стремясь к лучшему будущему. Промышленность достигла необыкновенных высот, и мы все упивались своими открытиями. Вы же читали в своей книге о том, что человек ступил на Луну. И как бы невероятно это ни звучало, так и было. В умах гениев того времени роилось множество необыкновенных идей, которые теперь – увы – не суждено уже воплотить.

Лицо Директора потемнело, и Зоуи восхитилась тем, как искусно он играл свою роль. Когда-то она прочла о том, кто такие политики, и если в мире остался хоть один из них, он стоял перед Зоуи.

– Все, как один, мы были поражены опаснейшей разновидностью вируса – натурального или синтетического, уже не важно. Поначалу он не отнимал наших жизней, но женское тело было безвозвратно поражено. И это надломило саму основу жизни, лишило нас возможности продолжения рода. На свет перестали появляться девочки. И в тот момент, когда все уже казалось потерянным, когда мы почти отчаялись, отважные ученые и исследователи Национальной ассоциации деторождения, посвятившие свои жизни решению проблемы, вернули нам последнюю надежду. Ее мы сохранили и взрастили здесь, в стенах Объединения углубленных исследований, как семя, которое однажды, как и планировали ученые, подарит новую жизнь. И именно поэтому мы собрались здесь с вами сегодня.

Замолчав, Директор опустил глаза в ожидании аплодисментов, и они не заставили себя долго ждать. Одно из рукоплесканий Зоуи услышала особенно громко и, повернув голову, увидела аплодирующую стоя мисс Гвен. Нижняя губа ее дрожала, а ладони пылали от чрезмерных усилий. Несколько секунд аплодисменты продолжались, пока Директор не поднял руку.

– День ото дня безопасная зона за стенами нашего кампуса становится все больше. Вскоре вы все переправитесь туда, и ваша жизнь начнется заново. Надежда будет восстановлена не правительствами или сражениями, а смелыми молодыми женщинами, которых я вижу перед собой, и еще одной, которая вот-вот к нам присоединится.

Директор поднял руку, указывая на главный вход, где стояли Терра и Эйб. Она была одета в струящееся белое платье, усыпанное переливающимися стразами, которое сделало ее появление очень эффектным. Казалось, ее платье излучало сияние и было главным источником света в этой комнате. Волосы были зачесаны назад, лицо светилось улыбкой, а глаза Терры были мокрыми от слез радости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.